

УДК 13

В.Ю. ДАРЕНСКИЙ (к. филос. н., доц.)

Луганский государственный университет внутренних дел

им. Э.А. Дидоренко

darenskiy@yahoo.com**ФИЛОСОФИЯ ВОЙНЫ Н.А. БЕРДЯЕВА В ИСТОРИЧЕСКОМ
КОНТЕКСТЕ**

В статье рассматривается феномен войны как философская проблема и как одна из базовых констант человеческой экзистенции. Концепт войны как экзистенциальная категория философии Н.А. Бердяева рассматривается в качестве фундаментального мировоззренческого принципа. Акцентируется внимание на том, что смысл войны связан с личной открытостью бытию, который открывает особое измерение межличностного смыслового диалога. В статье предложен анализ философских и антропологических измерений концептов Смерти и Правды, которые позволяют вскрыть скрытые аспекты человеческой экзистенции в контексте опыта войны. В статье также рассмотрена специфика русской философской, поэтической и культурной традиции в целом в ее рефлексиях о смысле войны.

Ключевые слова: Н.А. Бердяев, философия, война, история, русская, XX столетие.

Ибо Ты препоясал меня силою для войны.

Псалом 17: 39.

Хотя война очень большое зло, однако же не самое ещё большее... есть нечто гораздо худшее войны, от чего война и может служить лекарством, ибо «не о хлебе едином жив будет человек».

Н.Я. Данилевский. «Россия и Европа».

Пацифизм есть... нежелание знать зло, желание устроиться со злом так, как будто бы зла нет.

Н.А. Бердяев. «Философия неравенства».

Для современного человека опыт войны приобрел особое смысловое значение, поскольку развеивает многие иллюзии, созданные современной цивилизацией. В первую очередь, война напоминает людям о бренности и быстротечности их земной жизни, о наивности любых попыток построить «рай земной», в котором не будет никаких проблем (и эта наивность лежит в основе современной западной цивилизации); о поврежденности человеческой природы Первородным грехом, делающей неизбежными бесконечные конфликты и войны, наконец; и, наконец, ничто не учит так, как война, подлинной молитве и полному доверению себя воле Божией. Войны всегда были великими воспитателями народного духа, уча людей самопожертвованию и способности «положить душу за други своя» – высшему проявлению земной любви.

Уникальные духовные и нравственные качества русского народа – это не только результат тысячелетней жизни в лоне Православной Церкви, но также и результат постоянных войн против агрессоров, приходивших на Русь с Востока и особенно с Запада. Именно благодаря этим качествам русский народ сумел вынести три самых страшных в мировой истории вражеских нашествий – татаро-монгольское, наполеоновское и гитлеровское, и су-

мел выстоять и победить. В Откровении св. Иоанна Богослова о последних временах и конце истории мира сего свидетельствуется, что перед концом человечество еще перенесет такие страшные войны, которых не было никогда ранее. Поэтому способность воспринимать войну со всей духовной трезвостью – важнейшее качество человека в последние времена, без которого ему не устоять в Правде.

Обращение к темам философии войны, безусловно, является одним из наиболее ценных и значимых компонентов наследия Н.А. Бердяева – не только в силу глубины и нетривиальности его идей, но и просто в силу особой экзистенциальной смелости и нравственной твердости, которые требуются для ответственного размышления на эти темы. Возможно, именно поэтому философия войны Н.А. Бердяева фактически до сих пор не стала и не могла еще стать предметом специального внимания исследователей его творчества (хотя бы потому, что мало кто из них обладает теми же самыми качествами). В данной статье будет сделан некоторый шаг в этом направлении.

Каковы концептуальные основания такого исследования? В частности, в 2004 году вышла книга одного из «знаковых» авторов для современной русской философии А.Г. Дугина «Философия войны». В ней была сформулирована системная парадигма осмысления войны в рамках живой традиции русской православной философии. Это совершенно закономерно, поскольку *Россия, а значит, и подлинно русская философия призваны противостоять глобальной апостасийной цивилизации, созданной Западом и ныне оккупирующей весь мир*. Противостояние глобальной апостасии, опирающейся на огромный военный потенциал, хотя и не обязательно приобретает формы реальной войны, но всегда требует от русского народа проявления *особого военно-жертвенного христианского духа*. А это, в свою очередь, означает, что *философия войны как философия жертвенного противостояния мировому Злу и удержания истории от Апокалипсиса является парадигмальной основой для русской философии истории и социальной философии на все оставшиеся времена*. Эта особая эсхатологическая призванность Русской цивилизации делает и «философию войны» русских мыслителей необыкновенно ценным вкладом в мировую философскую традицию, которая к настоящему времени фактически иссякла, и только Россия остается ее единственным живым источником. И эта задача успешно выполняется. Например, вот как современному автору А.Г. Дугину удастся в одной небольшой формулировке объединить этические, мистические, экзистенциальные, культурологические и эсхатологические смыслы Войны:

«Война имеет начало и конец как исторический период. Но своей неизбежностью, своей повторяемостью, постоянством своих глубинных онтологических причин она превосходит историю, подчиняет ее себе. Это придает ей особое величие. Если люди не будут защищать свой народ и свою веру на войне, они потеряют связь с этим народом, превратятся в жалкие бродячие атомы, а вера их утратит спасительную силу, станет плоской, недейственной, ханжеской мелкобытовой моралью. Отказ от войны, бегство от войны, неготовность к войне свидетельствуют о глубоком вырождении нации, о потере ею сплоченности и жизненной, упругой силы. *Тот, кто не готов сражаться и умирать, не может по-настоящему жить*. Это уже призрак, полусущество, случайная тень, несомая к развеиванию в пыли небытия. Поэтому везде, даже в самой мирной из цивилизаций – в христианской цивилизации, никогда не прекращался культ войны и культ воина, защитника и хранителя, стража тонкой формы, которая и давала нации смысл и содержание. Не случайно так почитаем православными Святой Георгий, воин за Веру, заступник за православный люд, спаситель еще земного, но уже православного (т. е. уже ставшего на небесные пути) царства.

Ценности народов, культур и обществ доказываются в войне и через войну. Ценно то, что оплачено кровью. Прекрасно то, в основе чего лежит самоотверженный подвиг. Возвышенно то, за что не жалко отдать множество жизней, – свою и чужие» [4, с. 121].

В рамках этих парадигмальных определений, удачно сформулированных А.Г. Дугиным, очерчивается весьма обширное проблемное поле размышлений, для которого ценно

наследие русских мыслителей предшествующих эпох. Это наследие важно постольку, поскольку оно оказывается экзистенциально живым и воспроизводимым людьми последующих эпох – людьми, которым без этого трудно было бы сформулировать своими словами этот реальный опыт. Именно поэтому и Н.А. Бердяев, и многие другие подлинно русские философы вечно остаются «в строю» воинства духовной Руси, сдерживающей мировое Зло.

Целью данной статьи является определение специфических достижений философии войны Н.А. Бердяева в контексте смысла Новейшей истории.

В период Первой мировой войны, которая тогда называлась Второй Отечественной, многие русские философы размышляли о смысле войны. Среди особо ценных, помимо текстов Н.А. Бердяева, стоит отметить размышления В.Ф. Эрн о смысле «германизма» (статья «от Канта к Круппу» и др.). Однако только Н.А. Бердяев создал достаточно целостную философию войны вообще, и историософию Первой мировой войны в частности. Главными его текстами по этой тематике, которые мы будем рассматривать далее, является сборник статей «Судьба России» и глава книги «Философия неравенства», которая имеет название «Письмо одиннадцатое. О войне».

Философские размышления о смысле войны имелись уже и у многих философов древности, но только в XX веке эта весьма специфическая предметность философии фактически оформилась в особую сферу рефлексий. На Западе признанным «классиком» в этой сфере является Эрнст Юнгер. Но и в русской философии Н.А. Бердяев отнюдь не первым задавался вопросом: «Как философски осмыслить войну?» [1, с. 248]. Война стала особым предметом философского осмысления еще раньше, у Н.Я. Данилевского и В.С. Соловьева. Напомним принципиальные формулировки предшественников Н.А. Бердяева.

В известных «Трех разговорах о войне, прогрессе и конце всемирной истории» В.С. Соловьева некий alter ego автора утверждает, что «война *не* есть безусловное зло и что мир не есть безусловное добро, или, говоря проще, что возможна и бывает *хорошая война*, возможен и бывает *дурной мир*»: более того, в определенных случаях «война может быть великим, честным и святым делом» [8, с. 651; 665]. Тем самым, В.С. Соловьев принципиально отрицает взгляд на войну, свойственный секулярному гуманизму и «теории прогресса», мечтающим о «прекращении войн», совершенно не понимая их подлинной причины, заключающейся в греховной природе «естественного» человека. Война может быть «великим, честным и святым делом» именно тогда, когда она *противостоит экспансии греха, обрекающего человека на вечную гибель души*, по сравнению с которой смерть на войне оказывается гораздо меньшим злом и даже благом постольку, поскольку останавливает экспансию греха.

В свою очередь, Н.Я. Данилевский в главе XVI своего главного труда «Россия и Европа» писал: «Самый процесс этой неизбежной борьбы, а не одни только её желанные результаты... считаем мы спасительным и благодетельным, ибо только эта борьба может отрезвить мысль нашу, поднять во всех слоях нашего общества народный дух, погрязший в подражательности, в поклонении чужому, заражённый тем крайне опасным недугом, который мы назвали европейничаньем. Нас обвинят, может быть, в проповеди вражды, в восхвалении войны. Такое обвинение было бы несправедливо: мы не проповедуем войны... мы утверждаем лишь, и не только утверждаем, но и доказываем, что борьба неизбежна, и полагаем, что хотя война очень большое зло, однако же не самое ещё большее, – что есть нечто гораздо худшее войны, от чего война и может служить лекарством, ибо “не о хлебе едином жив будет человек”» [3, с. 227]. Тем самым, по Н.Я. Данилевскому, война является делом «спасительным и благодетельным» постольку, поскольку она *возвращает русский народ к пониманию его подлинного призвания, а гибель на войне за Православное Отечество служит спасению души, покрывая многие грехи*. В таком подлинно православном своем понимании война отнюдь не является отрицанием жизненных ценностей, но наоборот, их героическим исполнением.

Отметим, что суть христианского понимания войны явно парадоксальна: справедливая война против агрессора с целью защиты Родины на самом деле является прямым испол-

нением заповеди «Блаженны миротворцы», – а отнюдь не ее нарушением, как обычно думают недалекие «пацифисты» – поскольку *такая война спасает от гибели мирных людей и останавливает агрессора, то есть служит установлению справедливого мира*. Более того, в тех случаях, когда война сознательно ведется с целью *защиты истинной веры*, она прямо приравнивается к духовному подвигу и ведет воина в Царствие Небесное.

Еще ранее этих светских мыслителей православное понимание войны ярко сформулировал в своей проповеди св. Филарет, митрополит Московский, часто именуемый русским Златоустом XIX века:

«Не Бог ли *научает руки верных Своих на ополчение, персты на брань* (Пс. 143, 1). Авраам, образец кроткой веры, не воевал ли за своих родных и за союзных царей? Не войною ли, по повелению Божию, народ Божий приобрел землю обетованную?.. Дух Божий, который носился над Давидом от дня помазания его, не управлял ли рукою его, не только тогда, когда он извлекал из десятиструнной псалтири пророческие звуки, но и тогда, когда он победоносно стрелял в Голиафа... Равноапостольный царь Константин для чего – первое всего – употребил крест Христов, только что им познанный? – Для брани и победы... Итак, Бог любит добродушный мир и Бог же благословляет праведную брань. Ибо с тех пор, как есть на земле немирные люди, мира нельзя иметь без помощи военной. Честный и благонадежный мир большею частью надобно завоевать. И для сохранения приобретенного мира надобно, чтобы самый победитель не позволял заржаветь своему оружию» [б, с. 6].

К этой классической формулировке добавить нечего.

В новых исторических условиях Первой мировой войны классическое для православного сознания понимание сущности войны оказалось в новом контексте – в контексте широкого распространения секулярного сознания, наивно верившего в «бесконечный прогресс» и шокированного самим фактом внезапной «мировой бойни» между так называемыми «цивилизованными народами» с миллионными жертвами. В этом контексте Н.А. Бердяев старался создать такой философский язык, который бы позволял объяснить метафизику войны людям, для которых война вообще никогда не была предметом серьезного осмысления, но воспринималась ими лишь как простой абсурд – некий «пережиток варварства». Чтобы разрушить это мнение, он писал:

«Война не создала зла, она лишь выявила зло. Все современное человечество жило ненавистью и враждой. Внутренняя война была прикрыта лишь поверхностным покровом мирной буржуазной жизни, и ложь этого буржуазного мира, который многим казался вечным, должна была быть разоблачена. Истребление человеческой жизни, совершаемое в мирной буржуазной жизни, не менее страшно, чем то, что совершается на войне» [1, с. 248-249]. То есть война всегда становится радикальным *судом над жизнью* как таковой, обличающая ее самые глубокие пороки, обычно лишь старательно замаскированные в мирной жизни, разоблачая их перед судом вечности, *sub specie aeternitatis*. Ведь и в мирной жизни гибнет не меньше человеческих судеб и жизней, но под лицемерным покровом «цивилизованных норм» и привычек это кажется незаметным.

Тем самым, *Война есть великий разоблачитель неправды* «мирной» жизни. «Можно сказать, – пишет Н.А. Бердяев, – что война происходит в Небесах, в иных планах бытия, в глубинах духа, а на плоскости материальной видны лишь внешние знаки того, что совершается в глубине. Физическое насилие, завершающееся убийством, не есть что-то само по себе существующее как самостоятельная реальность, – оно есть знак духовного насилия, совершившегося в духовной действительности зла. Природа войны, как материального насилия, чисто рефлексивная, знаковая, симптоматическая, не самостоятельная. Война не есть источник зла, а лишь рефлекс на зло, знак существования внутреннего зла и болезни. Природа войны – символическая. Такова природа всякого материального насилия, – оно всегда вторично, а не первично» [1, с. 247].

Этими тезисами Н.А. Бердяев перемещает сознание читателя в область метафизического понимания войны, на основе которого уже можно понимать и ее высший, религиозный смысл:

«В Евангелии сказано, что нужно больше бояться убивающих душу, чем убивающих тело. Физическая смерть менее страшна, чем смерть духовная. А до войны, в мирной жизни убивались души человеческие, угасался дух человеческий, и так привычно это было, что перестали даже замечать ужас этого убийства. *На войне разрушают физическую оболочку человека, ядро же человека, душа его может остаться не только не разрушенной, но может даже возродиться.* Очень характерно, что более всех боятся войны и убийства на войне – позитивисты, для которых самое главное, чтобы человеку жилось хорошо на земле, и для которых жизнь исчерпывается эмпирической данностью. Тех, кто верит в бесконечную духовную жизнь и в ценности, превышающие все земные блага, ужасы войны и физическая смерть не так страшат. Этим объясняется то, что принципиальные пацифисты встречаются чаще среди гуманистов-позитивистов, чем среди христиан. Религиозный взгляд на жизнь глубже видит трагедию смерти, чем взгляд позитивно-поверхностный. Война есть страшное зло и глубокая трагедия, Но зло и трагедия не во внешне взятом факте физического насилия и истребления, а гораздо глубже» (выделено мной – авт.) [1, с. 249].

Каким же образом может на войне возродиться душа?

В выделенных нами словах содержится именно тот важнейший смысл войны, который делает ее *духовным испытанием народа* и который, несмотря на огромные жертвы и бесчисленные трагедии, делает народ сильнее, чем он был ранее, именно в нравственном и духовном отношении. Именно Война дает тот опыт Родины, который созидает народ как единое целое, и ту священную память о героях и жертвах, которая делает и все последующие поколения снова готовыми к подвигам и жертвам ради защиты своих святынь. В свою очередь, этот опыт Родины и опыт жертвенности своей жизнью ради защиты святынь – это и есть *духовное пробуждение* человека, не зависящее от его убеждений и мировоззрения, поскольку уже сам факт жертвования собой для ближних – для Родины – это уже сам по себе акт духовного рождения человека, даже если он этого и не осознает, и даже если реальная жизнь его при этом внешне не меняется. Война – это *духовная инициация* в силу «естественных» причин.

Проходя через смерть в страшной Войне, аморфный ранее народ, не единый по своим качествам и убеждениям, осуществляет вхождение в сакральную общность людей Родины. (А отказавшиеся войти в эту общность становятся Предателями в сакральном смысле этого слова, делающим невозможным никакое прощение и забвение в принципе – таковы, например, гитлеровские пособники всех мастей, из которых ныне кое-кто даже пытается делать «героев»). Сакральная общность людей Родины создается общей бедой и горем, а формируется на века – общей Победой.

Священная общность Родины объединена также и единой скорбью о погибших. Например, о такой скорби пишет О. Берггольц:

*Пусть она, чистейшая, святая,
Душу нечествеющей хранит.
Пусть, любовь и мужество питая,
Навсегда с народом породнит.*

*Незабвенной спаянное кровью,
Лишь оно – народное родство –
Обещает в будущем любому
Оновление и торжество.*

Последнее четверостишие – это очень мощная поэтическая формула, выражающая неизменный исторический и нравственный закон: Родина создается как «народное родство, спаянное кровью» – но оно, в свою очередь, становится затем *неиссякаемым источником сил для совершенствования и преображения человека как личности*, его «обновления и торжества».

Исходя из этого, Н.А. Бердяев справедливо усматривает в войне базовое онтологическое единство экзистенционального и эсхатологического измерений – единство каждой человеческой судьбы с общей судьбой мира сего. В этой глубине воочию явлены парадоксы, обусловленный парадоксальностью самой природы человека, в которой нераздельно и неслиянно сосуществуют вся глубина Первородного греха и ненарушимый образ Божий. Вот его ключевая формулировка онтологии и экзистенции войны:

«Война есть имманентная кара и имманентное искупление. В войне ненависть переплавляется в любовь, а любовь в ненависть. В войне соприкасаются предельные крайности и дьявольская тьма переплетается с Божественным светом. Война есть материальное выявление исконных противоречий бытия, обнаружение иррациональности жизни. Пацифизм есть рационалистическое отрицание иррационально-темного в жизни. И невозможно верить в вечный рациональный мир. Недаром Апокалипсис пророчествует о войнах. И не предвидит христианство мирного и безболезненного окончания мировой истории. Внизу отражается то же, что и наверху, на земле то же, что и на Небе. А вверху, на Небе, ангелы Божий борются с ангелами сатаны. Во всех сферах космоса бушует огненная и яростная стихия и ведется война. И на землю Христос принес не мир, но меч... Но весь ужас жизни изживается христианством, как крест и искупление вины. Война есть вина, но она также есть и искупление вины. В ней несправедная, грешная злая жизнь возносится на крест» (выделено мной – авт.) [1, с. 251-252].

Тем самым, война служит *нравственному очищению и искуплению уже совершенных грехов через страдание*. Этот фундаментальный смысл войны возродился у тех русских философов Серебряного века, которые остались верны глубинным основам православного духа, не разрушенного секулярной жизнью. Так, например, о. Павел Флоренский в своей проповеди в период Первой мировой войны говорил: «Мы говорим, что войны, бедствия, страдания происходят по грехам, но чьим грехам?! Ведь нельзя же сказать, что те, убитые, более грешные, чем мы, оставшиеся в живых или имеющие быть убитыми впоследствии. Но накопились грехи, загрязнили мы все ризы нашей Родины – и потребовалось омыть их, очистить ее и себя. А очищение греховных скверн совершается кровью и через кровь. И вот пролилась кровь, убеляющая грехи. Помолимся же, чтобы не понапрасну пролилась она» [9, с. 61]. То есть, чтобы праведная смерть воинов стала им самим – во искупление их земных грехов; а оставшимся жить – в назидание и «очищение греховных скверн».

Однако можно привести и прямо противоположные примеры полного непонимания смысла войны, маскирующегося под «гуманизм» и трусливый пацифизм (мнение о пацифизме Н.А. Бердяева приведено в качестве одного из эпиграфов нашей статьи). В частности, в период Первой мировой войны часть русской интеллигенции в открытую желала поражения своей стране (желая, чтобы это поражение привело к революции) и сознательно разрушала в народе христианское понимание смысла войны и защиты Отечества. По этому поводу следует сформулировать один принципиальный тезис: *когда идет война, в которой решается судьба Родины, ее духовное и физическое бытие, любые попытки «стать над схваткой», лицемерно выдаваемые за проявления «гуманизма» и якобы признак некой особой культуры, на самом деле всегда являются, наоборот, проявлениями душевной низости, слепоты и трусости, недалекости ума и несамостоятельности мышления*. Такие попытки, к сожалению, всегда были свойственны интеллигентскому сознанию, лишенному бытийных корней и живущему в узком мире своей собственной примитивной мифологии, порожденной комплексами «коллективного нарциссизма».

Бытийная укорененность философского мышления, основанного на глубоком экзистенциальном опыте и на живой преемственности с соборным опытом предков – то, чего практически нет у интеллигенции, но что было в высшей степени свойственно Н.А. Бердяеву, – позволяло ему видеть в войне подлинную мистерию, явственное самораскрытие глубинных законов бытия, в частности, его «разорванности», антиномичности:

«Война – антиномична по своей природе, она есть осуществленное противоречие. Во имя жизни ведется война и служит она полноте жизни. И война сеет смерть. Цель войны –

мир и объединение. Войны были могущественнейшим средством объединения человечества... С древних времен через войны объединялись человеческие общества в большие исторические тела, в огромные империи; через войны разливались народы по поверхности земли, и этим путем уготовлялись единое человечество и единая всемирная история! И война же была выражением самого кровавого раздора в человечестве, взаимной ненависти народов и жажды истребления. *Война есть тьма и свет, ненависть и любовь, животный эгоизм и высшее самопожертвование. Война не может быть только добром или только злом, в ней есть и великое добро, и великое зло. Война – порождение греха и искупление греха.* Война говорит о трагизме жизни в этом мире, о невозможности в нём окончательного устроения, спокойствия и бесконечного благоденствия и благополучия. Война наносит самые страшные удары мещанству, мещанскому покою и удовлетворенности» [2, с. 269].

Понимание того, что *Война есть мистерия, выявляющая подлинные законы бытия*, было свойственно многим философам, одна далеко не все были способны, как Н.А. Бердяев, мыслить последовательно и делать из этого понимания все необходимые выводы. Так, например, Э. Левинас пишет: «в условиях войны реальность отбрасывает слова и образы, которые ее скрывают, чтобы предстать во всей своей обнаженности и жестокости. Война... этот жестокий урок, преподанный вещами, осуществляется как чистый опыт чистого бытия, он как вспышка молнии, сжигающая все покровы иллюзии» [7, с. 66].

Однако следующий тезис Э. Левинаса нам представляется глубоко ошибочным: якобы война «приостанавливает действие морали; она лишает вечные институты и обязательства их вечного характера и вслед за этим отменяет – пусть только на время – безусловные императивы... Она не просто является одним из самых жестоких испытаний для морали. Она делает ее смехотворной» [7, с. 66]. Нет, как раз наоборот, во время войны все этические требования проходят самую радикальную проверку перед лицом смерти, становятся «безусловными императивами» совести. Ошибка Э. Левинаса состоит в фетишизации социальных форм этики, которые, действительно, часто отрицаются по отношению к врагу – но это лишь свидетельствует об их относительности перед сущностью этического отношения как такового – самопожертвования ради ближних, не связанного никакими внешними формами, – а часто и прямо требующего их отрицания. Война «наносит самые страшные удары» мещанскому пониманию этики как «системы норм».

Понимание войны как мистерии, выявляющей внутренние законы и «разорванность» бытия, и благодаря этому преображающей человеческую личность, – такое ее специфически экзистенциальное понимание, которое развернуто в философии Н.А. Бердяева, – стало ответом философии на шок секуляризованного сознания, полученный им от массовых войн XX века. Утрата религиозного понимания войны делает человека беззащитным перед самим ее фактом. Философия войны Н.А. Бердяева отвечала на этот вызов.

Фундаментальная ценность и историческая значимость экзистенциальной философии войны в том, что она давала понимание войны как *инициации*.

Во всех человеческих культурах Война является одним из символов «инициации», то есть особого символического прохождения через смерть, испытания смертью, после которого человек приобретает особый опыт, позволяющий смотреть на жизнь и оценивать ее как бы со стороны, «с точки зрения вечности». А погибшие на войне – те, для кого смерть стала не символической, а реальной, после инициации воспринимаются как бессмертные для нас – то есть утвердившие свое бытие в вечности и покинувшие этот мир. Поэтому, например, в лирической поэзии появился прием самоотождествления автора с погибшим, высказывание от его имени. В русской поэзии о Великой Отечественной войне ярким примером этого является знаменитое «Я убит подо Ржевом...» А.Т. Твардовского.

Символическое прохождение через смерть, духовная инициация делает человека другим, радикально трансформирует его личность. Но сам этот переход, даже если человек и остается жив, естественно, страшен, мучителен и в физическом, и в душевном смысле. Только в этих муках и этом страхе, на пределе человеческих возможностей, которые оказываются намного большими, чем в мирной жизни, – преображается человеческая душа. Са-

ним человеком это ощущается как погружение во тьму, в объятия смерти, из которых он восстает только чудом. Но именно в этой тьме и отчаянии смерти, царящей вокруг, в человеке вдруг рождается невероятная внутренняя сила – *но сила, не делимая с чувством правды.*

Об этой экзистенциальной закономерности писал и Э. Юнгер, немецкий классик «философии войны»: «Когда борьба идет на духовном плане, смерть принимают в расчет как один из элементов стратегии. Человек становится неуязвимым: мысль о том, что враг может уничтожить его физически, пугает меньше всего... Временами кажется, что он отступает перед близостью смерти, но в этом он похож на полководца, который не спешит подавать сигнал к наступлению и терпеливо ждет своего часа... В таких столкновениях наступает момент, когда все внешние, исторически обусловленные причины вражды затухают и на первый план выступает то, во имя чего на земле изначально идет борьба» [9, с. 213]. Война всегда идет за Правду.

Понимание Войны как вечной борьбы за Правду и как «имманентной кары» неправды, руководило Н.А. Бердяевым и в его историософии Первой мировой войны, в объяснении ее метафизических причин. Н.А. Бердяев очень хорошо разбирался и в прагматических причинах этой войны, главной из которых было стремление Запада ослабить или даже уничтожить Россию как своего главного цивилизационного конкурента (подготовка революции на средства мировой олигархии также была частью этого плана), однако как философа его больше интересовала метафизическая неправда врагов, которой противостоит Правда русского народа. В 1916 году он писал:

«...исключительных притязаний германского духа не может вынести весь остальной мир. Германские идеологи даже расовую антропологическую теорию об исключительных преимуществах длинноголовых блондинов превратили в нечто вроде религиозного германского мессианизма. Вместо “арийцев” ввели в употребление термин “индо-германцы”. Дух тевтонской гордости пропитал всю германскую науку и философию. Немцы не довольствуются инстинктивным презрением к другим расам и народам, они хотят презирать на научном основании, презирать упорядоченно, организовано и дисциплинированно. Немецкая самоуверенность всегда педантическая и методологически обоснованная. Мы, русские, менее всего можем вынести господство притязаний религии германизма. Мы должны противопоставить ей свой дух, свою религию, свои чаяния. Это не мешает нам ценить великие явления германского духа, питаться ими, как и всем великим в мире. Но гордыне германской воли должна быть противопоставлена наша религиозная воля. Центральной германской Европе не может принадлежать мировое господство, ее идея – не мировая идея. В русском духе заключен большой христианский универсализм, большее признание всех и всего в мире» [1, с. 247].

Тем самым, Россия в этой войне выполняет христианскую миссию усмирения гордого германского духа (и духа Запада в целом). Но даже и без этой миссии, как уже было сказано, сама по себе война за Православную Русь, независимо от того, кто конкретно является врагом, всегда была и остается одним из видов духовного подвига и мученичества.

В этом проявляется парадоксальная метафизическая благость войны как «искупления греха» (Н.А. Бердяев), как подвига, при котором «проливается кровь, убеляющая грехи» (о. Павел Флоренский). Такое понимание войны было глубоко свойственно русскому народу – именно оно позволило ему выстоять и победить в самых страшных войнах XX века.

В русской поэзии XX века мы имеем ряд замечательных выражений этого народного понимания Войны, воспитанного Православием. В частности, оно явлено в стихотворениях Н. Гумилева, который сам был участником и заслуженным героем той войны. В восприятии войны как таковой Н. Гумилеву свойственна совершенно удивительная эпическая, Гомерова созерцательность:

*Как собака на цепи тяжелой,
Тявкает за лесом пулемет,*

*И жуужжат шрапнели, словно пчелы,
Собирая ярко-красный мед.
А «ура» вдали – как будто пенье
Трудный день окончивших жнецов. [5, с. 213].*

Здесь война переживается как, с одной стороны, обыденная народная работа, а с другой – как некая часть естественного природного, вселенского бытия; здесь явлен какой-то «космический» взгляд на войну.

Но особенно поразительно стихотворение Н. Гумилева «Смерть», в котором смерть воинов переживается как *таинство рождения в вечность*:

*Есть так много жизней достойных,
Но одна лишь достойна смерть,
Лишь под пулями в рвах спокойных
Вершишь в знамя Господне, твердь...*

*Свод небесный будет раздвинут
Пред душою, и душу ту
Белоснежные кони ринут
В ослепительную высоту.*

*Там Начальник в ярком доспехе,
В грозном шлеме звездных лучей,
И к старинной, бранной потехе
Огнекрылых зов трубачей.*

*Но и здесь на земле не хуже
Та же смерть – ясна и проста:
Здесь товарищ над павшим тужит
И целует его в уста.*

*Здесь священник в рясе дырявой
Умиленно поет псалом,
Здесь играют марш величавый
Над едва заметным холмом. [5, с. 235].*

И хотя у Н. Гумилева вполне уже явлен и фатализм человека «конца Нового времени», и inferнальная мистика «войны машин», порожденной техническим прогрессом, но за всем этим, как за внешней шелухой, он неизменно прозревает подлинно христианский смысл Войны как «кары и искупления» наших бессмертных душ:

*Мы будем делать, что нам велено!
Труба, реви, ружье, стреляй,
Граната, рой в земле расщелины,
Подготавливая новый рай. [5, с. 518].*

Э. Юнгер открыл особую экзистенциальную закономерность, связанную со спецификой войн техногенной цивилизации: «Тотальную мобилизацию не столько проводят, сколько она осуществляется сама собой: не только в военное, но и в мирное время она выражает таинственное и неумолимое веление самой Жизни, которому мы подчинены в эпоху масс и машин» [9, с. 221]. Что это значит? Это значит, что развитие техники меняет саму экзистенцию человека, неумолимо вовлеченного в созидание средств уничтожения, независимо от

того, желает он этого или нет. Но это не сто иное, как *негативный эрзац* той подлинной духовной общности, которая рождается на войне. Проблема мышления современного человека в том, что он видит только этот негативный эрзац, и только через него воспринимает Войну как таковую.

Знание философии и поэзии Войны позволяет избежать этой ошибки.

Причастность к священной общности Родины *преображает человека, вдруг выявляет в нем самые высшие человеческие начала*, которые, может быть, до этого лишь «спасли». К. Симонов в стихотворении «Дом в Вязьме» очень емко передает этот переворот в человеческой душе:

*В ту ночь, готовясь умирать,
Навек забыли мы, как лгать,
Как изменять, как быть скупым,
Как над добром дрожать своим.
Хлеб пополам, кров пополам –
Так жизнь в ту ночь открылась нам...*

Здесь очевидна структура инициации и преобразования души перед лицом смерти – то символическое «прохождение через смерть», которое навсегда меняет человека, созидавая в нем опыт бессмертия еще в земной жизни.

Причастность к священной общности Родины складывается из *миллионов сверхсильных связей любящих друг друга душ*. Именно этот тайный закон силы народа и красоты созидающих его людей заново открыл К. Симонов в знаменитом стихотворении «Жди меня, и я вернусь»:

*Не понять, не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.*

*Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, –
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.*

В этом смысле война выявляет не только зло, накопившееся в мирной жизни, но и самый глубокий внутренний закон самой жизни. Суть этого закона состоит в том, что жизнь человека, народа и вообще любой общности людей (например, семьи) продолжается до тех пор, пока ради этой жизни люди способны на добровольный подвиг и жертву; а если такая способность иссякает, и каждый начинает думать только лишь о своем эгоистическом интересе, то жизнь деградирует и прерывается. И в войне, и в мирной жизни побеждает тот, у кого способность к подвигу и жертве оказывается большей.

Философские прозрения Н.А. Бердяева в смысл войны, воспроизводя православное понимание войны, созданное святоотеческой традицией, сделало его понятным и близким современному человеку с его секуляризированным сознанием, с его наивным «розовым христианством» (К. Леонтьев), склонным к трусливому пацифизму. Н.А. Бердяев сделал Войну предметом философской рефлексии в качестве одного из базовых экзистенциалов человеческого бытия. Это одно из важных и всегда актуальных достижений русской философии.

Литература

1. Бердяев Н.А. Судьба России / Н.А. Бердяев. – М. : АСТ, 2005. – 333 с.
2. Бердяев Н.А. Философия неравенства / Н.А. Бердяев. – М. : АСТ, 2006. – 349 с.

3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. – М.: «Книга», 1991. – 574 с.
4. Дугин А.Г. Философия войны / А.Г. Дугин. – М. : Яуза, 2004. – 256 с.
5. Гумилёв Н. С. Стихотворения и поэмы / Н. Гумилев. – Л. : Сов. писатель, 1988. – 488 с.
6. Из речи святителя Филарета митрополита московского при благодарственном ко Господу молебне к воинам 2 октября 1843 года // Русские святые воины. Жития. – Изд. Спасо-Преображенского Мгарского монастыря, 2002. – С. 5-6.
7. Левинас Э. Избранное: тотальность и бесконечное /Э. Левинас. – СПб. : Унив. книга, 2000. – 416 с.
8. Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории / В.С. Соловьев // Соч. в 2-х томах.– М. : Мысль, 1990. — Т. II. – С. 635-762.
9. Флоренский Павел, свящ. Слово перед панихидой об усопших воинах // Кравец С.Л. О красоте духовной (П.А. Флоренский: религиозно-нравственные воззрения) / Павел Флоренский, свящ. – М. : Знание, 1990. – С. 60-61.
10. Юнгер Э. Из философской прозы / Э. Юнгер // Иностранная литература. – 1991. – № 11. – С. 210-226.

В.Ю. Даренський (Луганський державний університет внутрішніх справ ім. Е.А. Дідоренка). **Філософія війни М.О. Бердяєва в історичному контексті.**

У статті розглядається феномен війни як філософська проблема і як одна з базових констант людської екзистенції. Концепт війни як екзистенціальна категорія філософії М.О. Бердяєва розглядається в якості фундаментального світоглядного принципу. Акцентується увага на тому, що зміст війни пов'язаний з особистісною відкритістю буття, що відкриває особливий вимір міжособистісного смислового діалогу. У статті також запропонований аналіз філософських і антропологічних вимірів концептів Смерті і Правди, що дозволяють розкрити приховані аспекти людської екзистенції в контексті досвіду війни. У статті також розглянута специфіка російської філософської, поетичної і культурної традиції в цілому в її рефлексіях про смисл війни.

Ключові слова: М.О. Бердяєв, філософія, війна, історія, російська, ХХ століття.

V.J. Darenskiy (Lugansk State University of Internal Affairs named after E.A. Didorenko). **Berdiaev's philosophy of war in historical context.**

The philosophical problem of war as a basic constant of human existence is considered in this article. The concept of war as an existential category in philosophy of N.A. Berdyaev is considered as the fundamental principle of human worldview. This research shows the meaning the problem of war for modern Philosophy and Society on the whole. It appears to be, first of all, as one of the most important in philosophy of history. It has been accentuated that sense of war is correlated with a person's openness to being; they create new sense in dialogue of different subject positions. The phenomenon of war as philosophical and anthropological category is analyzed here as a source of existential experience for contemporary man. Basic paradoxes of N.A. Berdyaev's conception of war are analyzed here. The paper discusses various N.A. Berdyaev's conceptions: such as 1) moral essence of war and typos of wars; 2) wars as a moving force of history and cultural creativity; 3) cultural and existential meaning of wars. The article also examines some methodological links between these conceptions. The author proposes his own interpretation of N.A. Berdyaev's reflections of war, emphasizing that his ideas is based on rethinking of universal human experience, which is necessarily linked with a source of human freedom. The paper gives analysis of philosophic and anthropologic dimension of the concept of Death and Truth, that makes it possible to discover hidden dimensions of human existence, cultural forms of being. The philosophical reflections of historical experience of Orthodox Russia makes ground for N.A. Berdyaev conception of history. In particular, principle conception defines the eschatology of Orthodox viewing of sense of war. Therefore, category of war acquire an ontological and moral aspects in evaluation of historical persons and deeds. The fundamental specifics of Orthodox conception

of history is defined history as an effort of spiritual freedom in Truth. This conception of history enables to consider every single historical event in its own spiritual sense. The fact that deep ontology of phenomenon of war may be explicated in the light of Biblical revelation about human was demonstrated here. Hence, interpretation of phenomenon of war as a spiritual trap is grounded here. Specifics of Russian philosophy, poetry and cultural tradition as a whole about reflection of sense of war is considered in this article.

Key words: N.A. Berdiaev, philosophy, war, history, Russian, XX century.

УДК 1(091):17.026.4

М.В. ДОЙЧИК (к. філос. н., доц.)

Прикарпатській національній університет ім. В. Стефаника

(м. Івано-Франківськ)

mvdoichyk.if@rambler.ru

ТВОРЧИСТЬ ЯК ВИЯВ ГІДНОСТІ У ФІЛОСОФІЇ ЛЮДИНИ МИКОЛИ БЕРДЯЄВА

Статтю присвячено аналізу проблеми гідності людини у філософській спадщині М. Бердяєва. Персоналізм мислителя визнає людину духовною істотою, унікальною особистістю, що вивищується як над природою так і над суспільством. Стати особистістю, за М. Бердяєвим, означає бути гідним Бога. У філософії персоналізму необхідною умовою гідності людини, її Богоподібності, є її свобода та здатність бути жертвним. Гідність особистості розкриває себе у стражданнях та у творчості. Свобода людини як невід’ємна якість особистості проявляється у творенні добра і перетворенні зла.

Ключові слова: гідність, свобода, особистість, персоналізм.

Філософська спадщина М. Бердяєва має яскраво виражений персоналістський характер. В її центрі – людина, її гідність, можливості її творчого самовираження та самореалізації. Започаткований мислителем підхід обумовив визнання особистості як первинної творчої реальності. Світ постає як прояв творчої активності “вищої особистості” **Бога**. Як зазначає філософ: “не можна зрозуміти людину з того, що є нижчим за неї, зрозуміти її можна <...> лише у відношенні до Бога” [1, с. 78]. Розуміння гідності людини пов’язане із твердженням про людину як істоту вільну, наділену можливістю творення нового. Гідність у філософії М. Бердяєва розглядається у контексті проблеми свободи особистості, творчості, зла і теодицеї, проблеми сенсу та призначення людини.

В основі персоналізму М. Бердяєва лежить теза про те, що гідність людини виявляється саме в її особистості, оскільки лише особистість має людську гідність [2, с. 28]. На думку мислителя, людина – духовна істота, а не певний етап у людському розвитку, це унікальна особистість, що вивищується як над природою, так і над суспільством. Стати особистістю, для М. Бердяєва, означає бути гідним Бога, це – основне завдання життя людини. Особистістю не народжуються, вона твориться Богом і самотвориться. Особистість є сталою незмінністю у своїх динамічних змінах. Вона є ідеєю Бога про людину. Гідність особистості, за М. Бердяєвим, передбачає надособистісне, тобто те, що її перевершує і до чого вона інтенційно підноситься у своїй самореалізації. Особистість володіє здатністю утримувати у собі універсальний зміст, творити унікальний світ власного буття. Вона може бути зрозуміла лише як акт, творчий акт, пов’язаний із глибиною власної особистості, силою почуття власної гідності.

В житті людини важливими спонуками її розвитку є пошук сенсу та пошук вічності. Пошук сенсу вже сам по собі дає сенс життя. Виокремлення цих двох спонук є протиставленням буденності та беззмістовності світу. Ці начала тісно взаємопов’язані між собою: людина у пошуках сенсу повинна розуміти, що істина розкривається тільки через вічне, божественне, тобто тоді, коли Бог діє через людину. Гідність як усвідомлення і переживан-